

DOI: 10.15643/libartrus-2015.4.1

Г. П. Федотов о национальном характере в истории России

© О. Д. Волкогонова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4.*

Тел.: +7 (495) 939 13 46.

Email: volkoganova@philos.msu.ru

В статье анализируются взгляды Г. П. Федотова (до 1948 г.) на процесс исторического формирования российского национального характера. Автор связывает подход Г. П. Федотова с позицией умеренного социального конструктивизма, согласно которому конструирование нации элитой может быть успешным лишь в том случае, если оно вписано в исторические и географические «ландшафты». Российский национальный характер рассматривается в единстве двух полярных проявлений – «москвича» и «интеллигента», причем автор акцентирует внимание на культурологическом подходе Г. П. Федотова к истории, согласно которому решение основных социальных проблем России невозможно без создания духовной элиты и существования интеллигенции.

Ключевые слова: *национальный характер, историософия, духовная элита, формирование нации, русские святые, культура, русский интеллигент, московский человек, исторический опыт народа.*

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) покинул советскую Россию в середине двадцатых годов. Блестящий медиевист, пришедший к православию в результате многолетней эволюции (в молодости он увлекался марксизмом), он постепенно стал известен среди русской эмиграции как яркий публицист, чьи статьи и эссе появлялись в самых разных журналах — евразийских «Верстах», бердяевском «Пути», «Новой России» Керенского, «Современных записках» и, конечно же, в «Новом Граде», ни один номер которого не обходился без статьи Г. П. Федотова. Издатель «Современных записок» И. И. Фондаминский совместно с матерью Марией (Скобцовой) и священником о. Дмитрием Клепининым (все трое погибли в лагере во время гитлеровской оккупации Парижа) организовали движение «Православное дело», активным членом которого стал Г. П. Федотов. Печатным органом движения и являлся «Новый град». Именно здесь Георгий Петрович нашел не только единомышленников, но и друзей.

Г. П. Федотов преподавал тогда в Богословском институте, созданном в Париже с целью продолжить традиции духовных академий в старой России. Но в 1939 г. правление института выразило ему порицание за ряд статей, которые, по мнению руководства института, вызывали «смущение и соблазн» у читателей. Дело было в том, что Г. П. Федотов писал о возможности «перерождения» советской власти, наполнения ее новым, демократическим содержанием. Эти публицистические размышления Г. П. Федотова были восприняты монархическими кругами эмиграции как пробольшевистские, на автора обрушилась волна критики, и правление института предпочло размежеваться с Федотовым, чтобы не быть втянутым в полемику. Г. П. Федотов подал в отставку. На его сторону безоговорочно встал Н. А. Бердяев, выступив с громкой статьей в поддержку Г. П. Федотова. Poleмику прервала начавшаяся война.

В 1940 году Георгий Петрович покинул Европу и уехал в США. При помощи Дж. Биллингтона (будущего Библиотекаря Конгресса) Федотов смог занять место приглашенного профессора в Йельском университете. А через три года он начал преподавать в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке и до самой смерти оставался профессором этого учебного заведения.

В США позиция Г. П. Федотова заметно изменилась. Если до второй мировой войны он не раз заслуживал упреки в пробольшевистской ориентации, то после войны он расходится с Бердяевым, Лурье и другими из-за своего непримиримого отношения к СССР (в данной статье за основу берется позиция Г. П. Федотова до 1948 г.) Расхождение с друзьями, одиночество ощущались Г. П. Федотовым болезненно и остро; это состояние усиливалось конфликтом с о. Георгием Флоровским, который с 1949 г. был его непосредственным начальником в Свято-Владимирской семинарии. В сентябре 1951 г. Г. П. Федотов скончался в результате сердечной болезни в провинциальной больнице городка Бэкона в Нью-Джерси.

К сожалению, многие блестящие работы Г. П. Федотова не получили должной оценки у современников. Да и сейчас его творчество не исследовано должным образом, его имя известно только специалистам (чем и обусловлен краткий биографический экскурс выше), хотя многие проблемы, поставленные им в статьях и книгах, – возможность перехода от тоталитарного общества к обществу демократическому, отношения России и Западной Европы, России и Америки, решение национального вопроса, неизбежно возникающего в огромной империи при любых социальных катаклизмах, – удивительно актуальны для сегодняшнего дня. Предметом данной статьи стала выявленная Г. П. Федотовым взаимосвязь российского национального характера и истории народа, – тема, приобретшая «второе дыхание» сегодня в связи с попытками определить украинскую и российскую идентичности. В одной из статей Г. П. Федотов сформулировал эту мысль так: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков» [6, с. 107].

Г. П. Федотов во многих своих работах исследовал национальную религиозность, духовную жизнь русского народа, различные проявления «народного духа». Это не было просто интересом ученого-медиевиста: Г. П. Федотов видел специфику исторического и культурного развития России, ее отличия от европейских стран («различие исторического дня России и Европы» [10, с. 244]), а значит, и разность стоящих перед Европой и Россией задач. «Быть может – кроме стран Азии, – Россия единственная земля, где национальная идея не исчерпала своего творческого, культурного содержания», – писал Г. П. Федотов [6, с. 59–60]. Он даже отчасти соглашался с тезисом евразийцев (убежденным оппонентом которых на протяжении многих лет он был) о возможности хозяйственной автаркии для России, в то время как для остальных стран она давно уже является вредной утопией. Объяснял он это тем, что Россия еще не выросла из автаркичного развития, не исчерпала до конца его возможностей, так же, как она не выросла еще из национализма.

В своих исторических исследованиях, Г. П. Федотов выделил три основных периода в российской истории, связанных с тремя столицами – Киевом, Москвой и Петербургом, которые одновременно символизировали различные религиозно-культурные установки, типы культурного творчества.

Г. П. Федотов начинал свой анализ с Киева. Киевская Русь была тесно связана с культурными традициями Византии, а потому она имела нечто общее и с Европой, черпавшей из римского источника, – ведь и Византия, и Рим выросли из греческих корней. Киевский период еще не содержал в себе приписываемого ему славянофилами противопоставления «Святой Руси» и «завоевательного Запада», более того, киевские князья не раз пытались установить с Западом более тесные политические отношения (известный брак дочери Ярослава Мудрого с ко-

ролем Франции может служить ярким тому примером). «Поучение Мономаха», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона говорят о том, что Русь осознавала себя частью христианского мира, а в «Слове о полку Игореве» слышатся нотки, роднящие его с рыцарской литературой Запада. Конечно, не все согласятся с такими оценками, но, думаю, взгляды Г. П. Федотова на Киевскую Русь тоже были далеки от рассмотрения ее как некоего славянско-почвенного явления. «Киевская культура аристократична, – писал Г. П. Федотов. – Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы из княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее протекает страшно медленно, но органично и непрерывно» [16, с. 18]. По сути, киевская культура рассматривалась им как результат прививки православия «на грубый славянский дичок», в результате которой он весь перерождается. «Новое не ложится поверхностным слоем, „культурным лоском“, поверх старого быта. Оно завоевывает прежде всего сердцевину народной жизни – его веру... И вера освящает всю культуру, всю книжную мудрость, которая идет за ней» [16, с. 18–19].

Но именно здесь, в киевском периоде Г. П. Федотов видел и причины будущего трагического расхождения русской культурной традиции с европейской, зерно будущей ученической зависимости от Запада. Он связывал это с переводом Библии на славянский язык. Хотя перевод облегчил принятие христианства народом, но ценой отрыва от классической традиции, ибо ключ к ней – древние языки – был утерян, а вместе с ним для России были утеряны Гомер и Платон, научный язык и язык философский.

Двухвековое татарское иго стало тем переходом, по которому Киевская Русь пришла к Московскому царству. Азиатская, восточная составляющая русской культуры, естественно, увеличилась, туранское влияние сказалось и в русской государственности, и в быте. Монгольское нашествие предопределило во многом то азиатское начало, которое присутствовало и присутствует в российской истории. Известный историк Н. Я. Эйдельман охарактеризовал это так: «Монголы сломали одну российскую историческую судьбу (о которой писал и Г. П. Федотов, подчеркивая начала свободы, роднящие Древнюю Русь с Западом, – О. В.) и стимулировали другую» [18, с. 33]. Ценой за создание централизованного государства восточного типа стали былые свободы. Московские князья усвоили уроки, полученные у ордынцев, – им противостояли уже бесправные холопы, ростки свободы, характерные для Древней Руси, жестоко выкорчевывались.

Но именно в московский период Русь перестала быть лишь робкой ученицей Византии. Именно тогда своим, славянским голосом зазвучала Русь в хоре христианских народов. Но «еще дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребенными в ней кладами. А удачливый и талантливый Запад, овладевший их наследством, повернулся к Руси угрозой меченосцев да ливонцев, заставив ее обратиться лицом к Востоку» [18, с. 24]. Если оценить произошедшие перемены одним словом, то слово это будет – *овосточивание* Руси, увеличение разрыва между ней и Европой. Недаром Г. П. Федотов пишет об «азиатской душе Москвы», об «узкой провинциальной культуре Москвы». Азиатская составляющая российской жизни усилилась и потому, что начался длительный процесс колонизации огромных пространств, создания великой державы. Московские князья, а затем и цари становятся «хозяевами земли русской», чувствуя себя одновременно преемниками и ханов-завоевателей, и императоров византийских. (Г. П. Федотов не был тут первооткрывателем, – например, К. Н. Леонтьев определял специфику российской идентичности похожим образом: византизм

как основа культурно-исторического российского типа и тяготение к Востоку). Такое сочетание разнородных идей и принципов создало уникальный по своему характеру деспотизм Московского царства.

Наконец, третий, петербургский период русской истории, начался с деятельности Петра Великого, «поднявшего Россию на своих плечах». В духовной жизни эта эпоха – эпоха импорта западной культуры, денационализации страны. «С Петра Россия считает своей миссией насыщение своих безбрежных пространств и просвещение своих многочисленных народов не старой, московской, а западноевропейской цивилизацией» [8, с. 247], – отмечал философ. Значение этого периода для культурного развития страны трудно переоценить: не только Пушкин, но и Толстой, и Достоевский были бы немислимы без влияния европейской традиции, без искусства немецкой философии невозможна была бы и русская классическая философия, не говоря уже о развитии естественных наук. Но каждая медаль имеет и оборотную сторону, – государство теряло национальный характер, приобретая все черты евразийской империи, в которой нет и не может быть места объединяющей национальной идее. Отныне «государственник» в России не мог выступать за развитие национальной самобытности, поскольку это подрывало само существо многонационального государства-империи. Безнациональной стала и интеллигенция, которая по своему быту, одежде, мыслям и – в некоторые периоды – даже языку (недаром «русская душой» Наташа Ростова писала по-французски) была гораздо ближе к Европе, чем к собственному народу. Федотов повторял не новую мысль о разделении России: «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга... Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой, – национальной» [8, с. 29]. В. О.Ключевский использовал для описания процессов, произошедших в российском обществе, сравнение со стеклом: «Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь западным влиянием во всех своих слоях, раскололось» [2, с. 358]. Таким образом, оценка петровских преобразований Г. П. Федотовым была принципиально неоднозначной: за прорубленное «окно в Европу» пришлось заплатить немалую цену.

Разделяя на этапы русскую историю, Федотов писал о ее внутреннем единстве и отмечал, что именно отсутствие понимания пройденного пути является главным препятствием для решения сложнейших социальных проблем, вставших перед страной в XIX и XX веках. Как и все представители «первой волны» русской эмиграции, Г. П. Федотов много думал и писал о трагедии 1917 года. Он не считал ее неизбежной (хотя бы потому, что в принципе отвергал любые доктрины исторического детерминизма, – как марксистско-материалистическую, так и религиозно-фаталистическую). Главным действующим лицом исторической драмы, по его мнению, всегда является свободный человек, который делает выбор между Добром и Злом, Христом и Антихристом в каждый момент своего бытия. Но революция не была и случайной нелепостью, – у нее имелись глубокие корни, в частности, отсутствие демократических традиций в прошлом России, «измена» монархической власти своему просветительскому призванию и петровскому делу политического и культурного строительства великой страны, уход с арены революционной борьбы настоящей интеллигенции и замена ее так называемой «новой демократией» и т.д. Вместе с тем, последнее десятилетие (1906–1916) перед революцией Г. П. Федотов называл временем «русского национального Ренессанса», блестящим периодом в истории страны, когда промышленность переживала расцвет, университеты Москвы и Петербурга

не уступали лучшим европейским университетам, Церковь собирала вокруг себя оригинальные передовые умы, пробудился интерес к России во всем цивилизованном мире. Но и разрушительные тенденции были велики. К сожалению, именно они и победили.

Г. П. Федотов был убежден, что культурное творчество является самым важным и ценным результатом исторического опыта народа, а тип любой культуры определяется характером и степенью ее религиозности. Применительно к России проблема истоков, корней духовной жизни народа трансформировалась в проблему изучения особенностей преломления в национальной культуре христианских принципов и ценностей. Он считал, что основой национального самосознания стала идея общей судьбы православного народа, единое религиозное мироощущение. Г. П. Федотов пытался выяснить религиозный смысл складывающейся веками национальной идеи. Осуществляя эту непростую задачу он обратился к духовным стихам, в которых «молчащее большинство» русского народа заговорило собственным языком, свободным от догматов официального богословия. Изучение духовных стихов помогло исследователю увидеть специфические особенности народной веры, русской ментальности, – жертвенный кенозис и суровость законнической этики. Причем постижение «лица России» осуществлялось Г. П. Федотовым прежде всего на материале того периода истории, в котором состоялся расцвет русской святости, православной культуры, – XI–XVII веков.

Пытаясь проникнуть в тайны народного духа, Г. П. Федотов обратился к жизни праведников и мучеников, в судьбах которых наиболее ярко воплотилась национальная форма общехристианского нравственного идеала. Казалось бы, подобные исследования были далеки от реальной жизни, никак не связаны с современностью. Но Г. П. Федотов рассуждал иначе. «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения, – писал он. – В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет свое собственное духовное призвание и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями» [13, с. 27].

Г. П. Федотов полагал, что именно русские святые создали тот архетип духовной жизни, который стал идеалом для последующих поколений и определил характер отечественной культуры. Идеалы этих святых веками питали народную жизнь, «у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа... определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры» [5, с. 256].

Судьба многих древнерусских святых, начиная со страстотерпцев Бориса и Глеба, добровольно принявших мученическую смерть, говорит о некой общенациональной черте религиозности, – для народа не сила и мощь святого являлись главным основанием для его канонизации, а безвинные страдания, добровольное повторение жертвы Христовой. Федотов писал об особом кенотическом типе святых, как наиболее характерном для русской религиозной жизни. Сочувствие к безвинно страждущим, нежная и стойкая жалость к ним и ко всему миру стали, по Г. П. Федотову, одним из глубочайших корней всей русской духовной культуры. Особым голосом русского христианства стали мученичество, страдание, нищета как принципы веры и жизни. Отсюда – почитание юродивых, многие из которых вполне сознательно брали на себя миссию отверженных, чтобы нести людям слово Божье.

Именно с деятельностью русских святых связывал Г. П. Федотов судьбу Древней Руси. Он считал, что Русь не погибла в многочисленных своих столкновениях с соседями с запада и с юго-востока благодаря устойчивым нравственно-религиозным ориентирам в самосознании народа, которые сохранили архетип поведения русского человека. Выживание древнерусского этноса в эпоху распада государственности, монгольского ига напрямую были связаны с православием и тем идеалом святости, который в нем содержался. Интересно, что более поздние исследования привели к похожим выводам Л. Н. Гумилева: он рассматривал святых Древней Руси как пассионариев, благодаря которым Русь смогла выйти из инерционной стадии своего этногенеза [1], устоять в столкновениях с другими этносами и плавно перейти от угасающего древнеславянского этноса к великорусскому, сохранив единые культурные, религиозные и нравственные ориентиры.

После XIV века, считал Г. П. Федотов, началось угасание святости, а вместе с ней – и снижение темпов исторического развития. Но идеал духовной жизни для всех последующих поколений уже был создан и во многом определил русскую культуру, для которой характерно опережающее развитие духовных сторон жизни общества, а не социально-экономических.

Вслед за О. Шпенглером и Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотов различал культуру и цивилизацию: если цивилизация складывается из технических навыков, научных знаний и прогресса политических форм, то культура – это иерархия духовных ценностей, результат неповторимого и непредсказуемого индивидуального творчества. Но если тот же О. Шпенглер считал неизбежным переход от культуры к цивилизации в результате эволюции человечества, то Федотов рассуждал иначе. Культура рассматривалась им как своеобразная грань между Богом и миром, как связующее звено триады «Бог – человек, творящий культуру – мир», как богочеловеческое дело. Поэтому кризис или расцвет культуры ставился им в зависимость от присутствия или отсутствия в культурном творчестве христианских ценностей; а будущее русской культуры определялось тем, жива ли в народе религиозная вера, в чем сомневаться после революции 1917 г. были все основания. Г. П. Федотов жадно вглядывался в черты нового, послереволюционного человека, ибо «первой предпосылкой культуры является сам человек» [9, с. 165]. Он был уверен, что несмотря на кажущийся разрыв в преемственности традиций, на колоссальные перемены в общественной жизни, нельзя уничтожить единства исторической судьбы народа: «как ни резки бывают исторические разрывы революционных эпох, они не в силах уничтожить непрерывности. Сперва подпочвенная, болезненно сжатая, но древняя традиция выходит наружу, сказываясь не столько в реставрациях, сколько в самом модернистском стиле воздвигаемого здания» [9, с. 61–62].

Характеристика русского национального типа личности, данная Федотовым, принадлежит к большим удачам мыслителя. Для определения национального характера, по его мнению, необходимо принимать в расчет множество различных факторов: социальные и культурные различия, пространственно-временные характеристики, оттенки в сфере религиозной жизни. Совокупное действие этих факторов образует как бы общий фон национальной культуры («единство направленности»), на котором проступают более индивидуализированные черты. Причем говорить о некоем едином «русском характере» (тема достаточно модная на рубеже 19 и 20 веков) – ошибочно, считал историк. Формула нации должна быть *дуалистична* (схожим образом рассуждали К. Н. Леонтьев и Н. А. Бердяев: в их понимании русский национальный характер *антиномичен*). «...Если необходима типизация, – писал Г. П. Федотов, – а в известной мере она необходима для национального самосознания, – то она может опираться

скорее на полярные выражения национального характера, между которыми располагается вся шкала переходных типов» [15, с. 11–12].

Для Г. П. Федотова два полярных типа русскости проявляются в «*московском человеке*» и «*интеллигенте*». Облик «москвича» видится философу так: глубокое спокойствие, даже флегматичность, органическое отвращение к любой экзальтации, крепость, выносливость, необычайная сопротивляемость, уверенная в себе сила с налетом фатализма (явно восточного происхождения), отсюда – равнодушие к судьбе ближнего («есть что-то китайское в том спокойствии, с какой русский крестьянин относится к своей или чужой смерти» [9, с. 176]), которое, тем не менее, зачастую соединяется с большой жалостью к людям. Волевые качества «типичного» русского человека не подлежат обобщению, – он может быть и ленивым, и деятельным. «Чаще всего мы видели его ленивым; он работает из-под палки или встряхиваясь в последний час и тогда уже не щадит себя, может за несколько дней наверстать упущенное за месяцы безделья. Но видим иногда и людей упорного труда, которые вложили в свое дело огромную сдержанную страсть: таков кулак, изобретатель, ученый, изредка даже администратор. Рыхлая народная масса охотно дает руководить собой этому крепкому «отбору», хотя редко его уважает» [9, с. 176–177]. К «московскому типу» Г. П. Федотов относил Л. Н. Толстого и Мусоргского, Ключевского и Сурикова, Менделеева и братьев Аксаковых. «Здесь источник русской творческой силы, – был убежден Г. П. Федотов, – которая, однако же, как и все слишком национальное («истинно русское»), не лишена узости» [9, с. 177].

Оценка «москвича» Г. П. Федотовым не однозначна. Этот тип человека определился в эпоху Московского царства, когда гибли остатки бывшего мирского самоуправления и «тяжелая рука Москвы» начала собирать земли в империю. «Москва полнокровна, кряжиста», – писал Г. П. Федотов. Именно тогда был выкован особый «московский» характер, который определил судьбу свободы в России: Г. П. Федотов считал это путем от свободы к рабству, к угасанию былой культуры с ее византийскими влияниями, к угасанию святости, огрублению быта. «Рабство, – заключал Г. П. Федотов, – диктовалось не капризом властей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство» [11, с. 281]. Создав нечеловеческим напряжением чудовищную империю, «москвич» превратил принцип несвободы в основу развития России. Московский тип оказался самым устойчивым в истории России, он сохранился и после революционных потрясений, – Г. П. Федотов не раз отмечал, что черты этого типа отчетливо видны сквозь маску советских идеологических штампов. Поэтому, рассуждая о будущем страны, считал Г. П. Федотов, необходимо учитывать особенности «московского человека», его «плюсы» и «минусы», ибо это единственный «материал» для строительства грядущей России.

Г. П. Федотов был убежден (и история подтвердила его прогноз), что Россию будут ждать запутанные и болезненные национальные проблемы. Действительно, после крушения марксистской идеологии и нескольких десятилетий забвения национальной истории и традиций, подъем национализма был неизбежен (в том числе, среди русского населения). Он предвидел будущие трудности: «Ряд народностей потребуют отделения от России, и свой счет коммунистам превратят в счет русскому народу. Первая же русская национальная власть должна будет начать с собирания России» [4, с.161]. Г. П. Федотов, не доживший и до первых

признаков падения советского режима, давал даже и более конкретные прогнозы, – например, о том, что «проблема Украины является самой трудной в ряду национальных проблем будущей России» [4, с. 168–169].

Г. П. Федотов оставался верен себе, своему культурологическому подходу к различным историческим проблемам: единственную возможность удачного для России решения национальных проблем он связывал с культурой. Он был уверен, что именно великая русская культура станет центром притяжения многих народов, входивших в состав империи, именно она станет «посредницей» между Россией и мировой цивилизацией. Таким образом, наличие второго «полюса» национального характера для Федотова было связано с самим будущим России, ее выживанием.

Второй «полюс» – это русский интеллигент. «Это вечный искатель, энтузиаст, отдающийся всему с жертвенным порывом, но часто меняющий своих богов и кумиров. Беззаветно преданный народу, искусству, идеям – положительно ищущий, за что бы пострадать, за что бы отдать свою жизнь. Непримирымый враг... всякого компромисса. Максималист в служении идее, он мало замечает землю, не связан с почвой... Всего отвратительнее для него умеренность и аккуратность, добродетель меры и рассудительности, фарисейство самодовольной культуры... Для него творчество важнее творения, искание важнее истины, героическая смерть важнее трудовой жизни» [9, с. 173]. Г. П. Федотов дает остроумное и афористичное определение российской интеллигенции – довольно специфичного явления, ибо особый «орден» интеллигенции со своим «кодексом чести», не совпадающий с понятием образованного класса, вряд ли можно найти в западных странах, где есть «белые воротнички», есть поэты и университетские профессора, но нет особого социального слоя с общими традициями, идеалами, представлениями об обязательном служении народу: «Русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» [16, с. 17].

С философско-исторической точки зрения, настоящим (отнюдь не бесспорным) делом интеллигенции была, по сути, европеизация России, хотя здесь и были свои исключения. После народнического подъема 70-х годов XIX столетия признаки интеллигенции стали «размываться» (в том числе, в связи с появлением «новой демократии»): «начинается распад этого социологического типа, идущий по двум линиям: понижение идейности, возрастание почвенности» [16, с. 45]. Более того, после революции 1917 г. интеллигенция практически исчезла: она не только была физически уничтожена, выслана за пределы страны, она потеряла свою «особость», будучи разбавлена произведенным в огромных количествах советскими вузами «новым мещанством». Объективно, считал Г. П. Федотов, Россия «просто приблизилась... к общеевропейскому культурному типу, где народная школа и цивилизация XIX века уже привели к широкой культурной демократизации» [14, с. 207]; исчезла культурная среда, которая формировала интеллигентов прошлых эпох.

Значит ли это, что специфическая русская культура безвозвратно погибла (ведь культура всегда аристократична, а ее достижения чаще всего покупаются ценой «социального грехопадения», то есть сопровождаются забвением социального равенства)? И да, и нет. С одной стороны, Г. П. Федотов не был чрезмерно оптимистичен: «мертвого не воскресить» [12, с. 60], – с горечью писал он. С другой стороны, «ничто ценное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе. Тогда все наши фрагментарные достижения, все приблизительные истины, все несовершенные удачи найдут свое место, как камни в стенах

вечного Града. Эта мысль примиряет с трагедией во времени и может вдохновить на подвиг, не только личный, но и социальный» [17, с. 125], – уверял Г. П. Федотов. Он делал свою ставку – «ставку Паскаля, ставку веры, – ставку, без которой не для кого и незачем жить» – на создание в России новой культурной элиты, возрождение классических школ и университетов, проникновение в культуру христианских ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М., 1989. 766 с.
2. Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра // *В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией*. М.: Логос, 1997. С. 291–398.
3. Федотов Г. П. В защиту этики // *Новый град. Сб. статей*. Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1952. 380 с.
4. Федотов Г. П. *И есть, и будет. Размышления о России и революции*. Париж: Новый Град, 1932. 220 с.
5. Федотов Г. П. Изучение России // *Лицо России. Статьи 1918–1930 гг.* 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988. 330 с.
6. Федотов Г. П. Лицо России // *Собр. Соч. В 12 т.* М.: Мартис, 1996. Т. 1. С. 104–109.
7. Федотов Г. П. Новый идол // *Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры*. В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 50–65.
8. Федотов Г. П. Новое отечество // *Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры*. В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 233–252.
9. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // *Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры*. В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 188–205.
10. Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // *Россия, Европа и мы. Сб. статей в 2 т.* Париж: YMCA-Press, 1973. Т. 2. 320 с.
11. Федотов Г. П. Россия и свобода // *Судьба и грехи России*. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 39–41.
12. Федотов Г. П. Русский человек // *Новый град*. Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1952. 380 с.
13. Федотов Г. П. *Святые древней Руси*. М.: Московский рабочий, 1990. 268 с.
14. Федотов Г. П. Создание элиты. (Письма о русской культуре) // *Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры*. В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 188–205.
15. Федотов Г. П. *Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам)*. М.: Прогресс, 1991. 192 с.
16. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // *Новый град. Сб. статей*. Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1952. 380 с.
17. Федотов Г. П. Эсхатология и культура // *Святой Филипп, Митрополит Московский*. М.: Стрижев-Центр, 1991. 128 с.
18. Эйдельман Н. Я. *«Революция сверху» в России*. М.: Книга, 1989. 176 с.

Поступила в редакцию 22.08.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2015.4.1

G. P. Fedotov about the national character in the history of Russia

© O. D. Volkogonova

*M. V. Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosov Ave., 119991 Moscow, Russia.*

Email: volkogonova@philos.msu.ru

The article deals with the concept of the Russian national type of personality by G. P. Fedotov (before 1948). The author finds the connection between Fedotov's views and the theory of moderate social constructivism, according to which the formation of nation by elite can be successful only if it comes in accordance with geographical and historical "landscapes". Russian type of personality is seen as a unity of two polar characters – "the muscovite" and "the intelligent". The author points out that Fedotov considers culture as a main factor in the development of history, which makes the very existence of intelligentsia (and one of the sides of the Russian national character) the most important condition of solving many social problems in Russia.

Keywords: *national character, historical philosophy, spiritual elite, the formation of the nation, the Russian saints, the culture, the Russian intellectual, Muscovite, the historical experience of the people.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Volkogonova O. D. G. P. Fedotov about the national character in the history of Russia // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 4. Pp. 247–256.

REFERENCES

1. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Ancient Rus and the Great steppe]*. Moscow, 1989.
2. Klyuchevskii V. O. *V poiskakh svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei*. Moscow: Logos, 1997. Pp. 291–398.
3. Fedotov G. P. *Novyi grad. Sb. statei*. N'yu-Iork: izd-vo imeni Chekhova, 1952.
4. Fedotov G. P. *I est', i budet. Razmyshleniya o Rossii i revolyutsii [And it is, and it will be. Reflections on Russia and revolution]*. Parizh: Novyi Grad, 1932.
5. Fedotov G. P. *Izuchenie Rossii. Litso Rossii. Stat'i 1918–1930 gg. 2-e izd.* Parizh: YMCA-Press, 1988.
6. Fedotov G. P. *Litso Rossii. Sobr. Soch. V 12 t.* Moscow: Martis, 1996. Vol. 1. Pp. 104–109.
7. Fedotov G. P. *Novyi idol. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. V 2 t.* Saint Petersburg: Sofia, 1992. Vol. 2. Pp. 50–65.
8. Fedotov G. P. *Novoe otechestvo. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. V 2 t.* Saint Petersburg: Sofia, 1992. Vol. 2. Pp. 233–252.
9. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. V 2 t.* Saint Petersburg: Sofia, 1992. Vol. 2. Pp. 188–205.
10. Fedotov G. P. *Rossiia, Evropa i my. Sb. Statei v 2 t.* Parizh: YMCA-Press, 1973. Vol. 2.
11. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii*. Saint Petersburg: Sofia, 1992. Vol. 2. Pp. 39–41.
12. Fedotov G. P. *Russkii chelovek. Novyi grad*. N'yu-Iork: izd-vo imeni Chekhova, 1952.
13. Fedotov G. P. *Svyatye drevnei Rusi [The saints of ancient Rus]*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1990.
14. Fedotov G. P. *Sozdanie elity. (Pis'ma o russkoi kul'ture). Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. V 2 t.* Saint Petersburg: Sofia, 1992. Vol. 2. Pp. 188–205.
15. Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye. (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham) [Spiritual verses. (Russian folk belief by spiritual verses)]*. Moscow: Progress, 1991.
16. Fedotov G. P. *Novyi grad. Sb. statei*. N'yu-Iork: izd-vo imeni Chekhova, 1952.
17. Fedotov G. P. *Svyatoi Filipp, Mitropolit Moskovskii*. Moscow: Strizhev-Tsentr, 1991.
18. Eidel'man N. Ya. *«Revolutsiya sverkhu» v Rossii [“Revolution from above” in Russia]*. Moscow: Kniga, 1989.

Received 22.08.2015.